

Проф. Н. Н. Степанов

ПУШКИН И СЕВЕР

В 1836 г. Пушкин писал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и фин, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Великий поэт великого русского народа, Пушкин с глубоким вниманием и интересом относился к многочисленным народностям, населявшим Россию.

Будучи в ссылке на юге, поэт интересовался бытом и культурой молдаван и цыган («Цыганы» и др.). В равной мере привлекали внимание Пушкина и народности Кавказа, и в результате его посещений Кавказа появились сначала «Кавказский пленник», позднее «Тазит», «Путешествие в Арзрум» и др. Нашли отражение в творчестве Пушкина быт и культура и других народов России. На Севере Пушкину не пришлось быть, и, тем не менее, поэт живо интересовался и народностями, и историей, и колонизацией Севера и питал некоторые литературные замыслы, связанные с ним.

В 1937 г. в связи с юбилейной датой — столетия со дня смерти поэта — Востсибоблгизом был опубликован сборник «А. С. Пушкин и Сибирь» (Москва—Иркутск, 1937), где собран основной документальный материал и по теме «Пушкин и Север». В данной статье поэтому я не воспроизвожу вторично весь этот материал. Моя задача — наметить основные линии интересов Пушкина, связанных с Севером, и осветить некоторые принципиальные вопросы, лишь частично поставленные в указанном сборнике.

Опись книг Пушкина, составленная Б. Л. Модзалевским и дополненная Л. Б. Модзалевским, ярко свидетельствует о внимании и интересе поэта к Северу.¹

В библиотеке Пушкина имелись «Сибирский Вестник», специальный журнал, посвященный Сибири и Северу, издававшийся Г. И. Спасским, за 1818, 1819, 1820, 1821, 1822 и 1824 гг.; пять томов «Полного собрания ученых путешествий по России...», где были напечатаны труды Лепехина и Крашенинникова; труд Палласа «Путешествия по разным местам Российского государства...»; труд Шелехова о его

¹ Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, СПб., 1910; Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, Новые материалы. Литературное наследство, М., 1934, № 16—18.

«странствований по Восточному океану и Американским берегом в 1788 году» и т. д., и т. д.

Надо отметить, что Пушкин, несомненно, знал и работу А. Н. Радищева, посвященную Сибири и Северу: «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Этот труд А. Н. Радищева, написанный им в период ссылки (1791—1796), был впервые опубликован в VI т. «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (1811). С работами А. Н. Радищева, как известно, Пушкин был знаком еще в лице.

Особо подчеркиваем знакомство Пушкина с этой работой Радищева, так как во взглядах на процесс колонизации Севера, как увидим ниже, Радищев и Пушкин были очень близки.

Знаком был Пушкин и с художественной литературой, посвященной Северу. Поэт знал романы И. Т. Калашникова, богатые этнографическими материалами, и писал о них автору: «Вы спрашиваете моего мнения о Камчадалке. Откровенность под моим пером может показаться вам простою учтивостью. Я хочу лучше повторить вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного таланта. Прочитав Дочь Жолобова, он мне сказал: «Ни одного из русских романов я не читывал с большим удовольствием. Камчадалка верно не ниже вашего первого произведения».¹ Под первым произведением Пушкин имел в виду роман Калашникова «Дочь купца Жолобова, Роман, извлеченный из иркутских преданий». Отмечу, что о последнем романе писал и В. Г. Белинский, указывая: «Г. Калашников, как видно из его романа, хорошо знает Сибирь и любит ее. Описания его часто бывают увлекательны и живы...»

В библиотеке Пушкина было и третье произведение Калашникова — повесть «Избранники», героем которой был купец Шалауров, отправившийся в 1762 г. из устья Колымы для исследования пути в Восточный океан.

С глубокой благодарностью и признательностью писал Калашников о внимании великого поэта к его произведениям: «...всякий раз я почти с благоговением внимаю, когда патриарх нашей словесности, муж и по уму, и по характеру, и по самой наружности, подобный мудрецам древности (я не смею именовать его), с величайшей добротой и мудростью, или старается одобрительною хвалою поощрить к новому труду, или умными наставлениями желает направить перо мое к благой цели. Краткие минуты, проведенные с ним, будут всегда для меня драгоценны».²

Известны были Пушкину и книги сибирского краеведа Н. С. Щукина «Поездка в Якутск» и «Посельщик. Сибирская повесть».

Знакомили Пушкина с Севером и его друзья — декабристы, сосланные в Сибирь. Так, в письме Пушкину от 12 февраля 1836 г. В. К. Кюхельбекер описывает свои впечатления о Забайкалье и его населении (тунгусы, буряты). Видимо, в связи с этим письмом Кюхельбекера нужно поставить и образ тунгуса в «Памятнике» Пушкина.

¹ Пушкин. Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. XV, 1948, стр. 59 (в дальнейшем все цитаты по этому изданию). Укажу, что А. В. Зигур в указанном выше сборнике, цитируя это письмо, дает только следующие строки: «Ни одного из русских романов не прочитывал я с большим удовольствием. Камчадалка не ниже Вашего первого произведения» («Пушкин и Сибирь», стр. 103), в силу чего отзыв Крылова и мнение Пушкина сливаются вместе в единый пушкинский отзыв.

² «Пушкин и Сибирь», стр. 106, Востсибоблгиз, М.—И., 1937.

Знакомы были Пушкину и очерки А. А. Бестужева «Сибирские нравы. Исых» и его стихотворение «Саатырдь. Якутская баллада».

С Севером были связаны у Пушкина и некоторые литературные замыслы, получившие лишь частичное отражение в его творчестве.

Большой интерес проявлял поэт к образу Ермака.¹ В письме Н. И. Гнедичу 23 февр. 1825 г. Пушкин писал: «Я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит поэту».² Несколько ранее в 1824 г., поэт записывает «Воображаемый разговор с Александром I», который заканчивается следующим образом: «Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне (Александр I.—Н. С.) много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму Ермак или Кочум русским размером с рифмами».³

О намерениях Пушкина писать поэму об Ермаке было известно и его друзьям и знакомым. Е. А. Баратынский в январе 1826 г. пишет Пушкину: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истинно поэтической, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнасса, и Камюэнс вытаращил глаза. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг».⁴

Пушкин не написал поэмы об Ермаке, но интерес к нему не покидал поэта до конца его жизни. 17 июля 1835 г. В. Д. Соломировский пишет в ответ на недошедшее до нас письмо Пушкина: «Ты просил меня писать тебе о Ермаке, предмет, конечно любопытный, но помышляя о поездке для розысков сего воителя, я досель сижу дома».⁵

Нам неизвестен в деталях сам замысел Пушкина, но, как рисовал себе поэт образ Ермака, можно представить по сохранившимся материалам. Ермак рисовался Пушкину героем, достойным «эпической поэмы», стоящим в одном ряду с такими деятелями русской истории, как Владимир, Мстислав, Дмитрий Донской и Пожарский.

Позже, в конспекте книги Крашенинникова поэт назовет Вл. Атласова «Камчатским Ермаком», а в наброске статьи по истории Камчатки нарисует образы русских землепроходцев и воителей на Севере. О них Пушкин пишет, как о смелых сподвижниках Ермака, которые, несмотря на «неимоверные препятствия и опасности» устремлялись вперед «посреди враждебных и диких племен» и «бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках».

Н. В. Цейтц в указанной статье подробно показывает, как детально знаком был Пушкин с многочисленными литературными обработками сюжета об Ермаке (И. И. Дмитриев, К. Ф. Рылеев, А. С. Хомяков и др.). Истоки пушкинского понимания образа Ермака восходят, однако, не к этим литературным обработкам, а к работе, оставшейся в статье

¹ Подробный обзор высказываний Пушкина об Ермаке и их анализ дан в статье Н. В. Цейтц, К истории неосуществленного замысла Пушкина об «Ермаке», «Пушкин, Временник Пушкинской комиссии», 1939, № 4—5, М.—Л., стр. 386—396

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII, Переписка 1815—1827, 1937, стр. 145.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI, Критика и публицистика 1819—1834, 1949, стр. 24.

⁴ Там же, т. XIII, стр. 254.

⁵ Там же, т. XVI, Переписка 1835—1837, 1949 стр. 40.

Н. В. Цейтц в тени, — к «Сокращенному повествованию о приобретении Сибири» А. Н. Радищева.¹

Пушкинская трактовка Ермака и ряда последовавших за ним землепроходцев на Севере в основных чертах совпадает с трактовкой Радищева, и это не случайно, так как истоки пушкинского понимания русской истории во многом восходят к Радищеву.² Радищев писал об Ермаке «с его товарищами» и о «всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самые Америки»: «Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский».³

Русская колонизация Севера, Ермак и его «сподвижники» и продолжатели — такова первая большая тема, которая заинтересовала Пушкина.

Второй большой темой, которая привлекала внимание поэта, явилась тема о быте и культуре коренных насельников Севера. Тема эта тесно связана с общим интересом Пушкина к ранним ступеням развития человеческого общества. Ярко этот интерес нашел отражение в такой статье, как «Джон Теннер», посвященной запискам Теннера, прошедшего 30 лет среди американских индейцев.

Пушкин ценил эти записки как документ, рисующий правдиво быт и культуру северо-американских индейцев. «Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов», — писал он. «Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах», — пишет Вашингтон Ирвинг, — «так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных». Это самое подозревали читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествований уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями».

В противоположность романам Шатобриана и Купера «Записки» Теннера для Пушкина «драгоценны во всех отношениях». Поэт так характеризует этот документ: «Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека...».⁴

Народности Севера для Пушкина были столь же характерны для ступени «естественного состояния человека», как и северо-американские индейцы.

¹ Н. В. Цейтц лишь глухо в примечании указывает: «Перечитывая для этой статьи («Александр Радищев». — Н. С.) «Собрание оставшихся сочинений А. Радищева» 1807—1811, Пушкин читал там и отрывок неизданной статьи Радищева «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». «Пушкин, Временник Пушкинской комиссии», 1939, № 4—5, М.—Л., стр. 395, примеч. 3. Пушкин с этим изданием Радищева был знаком, как хорошо известно, будучи еще лицеистом.

² См. нашу брошюру «Исторические воззрения А. С. Пушкина», Л., 1949, где схематично прослежена связь и преемственность исторических взглядов Пушкина со взглядами Радищева.

³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1941, стр. 146, 147. В этой же работе (стр. 151) Радищев писал: «Но сколь ни благоприятствовали обстоятельства Ермаку в его завоеваниях, надлежит справедливость отдать ему и его товарищам, что неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предпринятого намерения были им свойственные качества».

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, Критика, Автобиография, 1949, стр. 105.

Весьма показательны в этом плане черновые наброски «Цыган», не включенные Пушкиным в печатный текст.

Бледна, слаба Земфира дремлет —
Алеко с радостью в очах
Младенца держит на руках.
И крику жизни жадно внемлет.
«Прими привет сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И с даром жизни дорогой
Неоцененный дар свободы!..
Останься посреди степей.
Безмолвны здесь предрассужденья
И нег их раннего гоненья
Над дикой люлькою твоей.
Расти на воле без уроков,
Не знай стеснительных палат,
И не меняй, простых пороков
На образованный разврат.

От общества, быть может, я
Отъемлю ныне гражданина —
Что нужды — я спасаю сына —
И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка.
(Или) в расселине утеса.¹

Так противопоставил в этом отрывке поэт «естественное состояние человека», представителей которого он видел в остяках, с его свободой и «простыми пороками», — культуре и цивилизации с его «образованным развратом».

Исходя из этого, легко понять тот интерес, который проявил Пушкин к «Описанию земли Камчатки» Крашенинникова.

«Описание земли Камчатки» Крашенинникова явилось для Пушкина тем же документом, что и «Записки» Теннера, документом о быте и культуре примитивных народностей.

Пушкин тщательно законспектировал все четыре части «Описания земли Камчатки», разделив конспект на два раздела. Первый раздел носит название «О Камчатке», здесь законспектированы данные из всех четырех частей, относящиеся к географии Камчатки и быту ее населения; второй раздел специально посвящен истории Камчатки и имеет название «Камчатские дела. (От 1694 до 1740 года)».

Исследователи, изучавшие этот конспект Крашенинникова, обычно сосредоточивали свое внимание на втором разделе, обходя вниманием первый.² Вряд ли это правильно. Оба раздела конспекта представляют значительный интерес, и вместе они полно отражают две основные северные темы, интересовавшие Пушкина, — тему о культуре и быте коренных насельников Севера и тему о русском продвижении на Север.

В первом разделе Пушкин конспектирует далеко не сплошь текст Крашенинникова. Конспект носит выборочный характер. Видимо, Пушкин записывал лишь то, что особенно привлекало его внимание, и то, что он предполагал использовать для последующей работы.

«Камчатская земляца (или Камчатской нос) начинается у Пустой реки и Анапка в 59° широты — там с гор видно море по обеим сторонам. Сей узкой перешеек соединяет Камчатку с матерой землею. — Здесь грань

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IV, 1937, стр. 444—446.

² Только второй раздел конспекта разбирается и в моей статье — «С. П. Крашенинников как историк Камчатки», «Советский Север», 1939, № 2, стр. 116.

п р и с у д у Камчатских острогов: выше начинается Заносье (Анадырской присуд)».¹ Так начинается первый раздел конспекта. Заносье в конспект данные по географии Камчатки, Пушкин вносит в конспект и значительный материал по быту и культуре коренных насельников Камчатки.

Общая его характеристика уровня культуры коренных насельников Сибири видна из следующей записи: „ Steller междуусобии камчадалов, III—68 (NBПервобытное состояние)».² Запись Пушкина относится к следующему тексту из работы Крашенинникова: «Господин Стеллер причиною междуусобных браней тамошних народов ненависть же и роскошь объявляет, но с некоторыми особливими обстоятельствами, которые сообщим здесь в дополнение.

Хотя, — пишет он, — в Камчатке главного начальника прежде и не было, но всяк жил по своей воле; однако две внутренние страсти ненависть и роскошь причиною были, что камчадалы сами свой покой и мирное житие отвергали, и тем время от времени больше умалялись, и приходили в изнеможение. К неприятельским действиям побуждали их женщины, властолюбие и всякие домовые вещи и уборы. Но чтоб каждой мог неприятелю противиться, то поддавались они старшим, храбрейшим и умнейшим людям, и по одержании некоторых побед начальникам своим оказывали такую любовь, какая потребна была к намерению их, чтоб мщением, получением добычи и равномерным ее разделением укрепиться во своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтоб быть властителями: отчего наконец последовало одного народа разделение на разные, и учинились многие равносильные стороны».³

Замечателен тот факт, что термина «первобытное состояние» у Крашенинникова нет. Это обобщение Пушкина, сделанное на основе материалов Крашенинникова, — обобщение, характеризующее его оценку уровня культуры коренных насельников Камчатки к моменту прихода туда русских.

Пушкиным конспектируются данные и по языку, и по занятиям и по материальной культуре, и по верованиям. «Острожек Коряцкий окружен земляным валом (вышиной 1 сажень, шириной 1 аршин). Внутри двойной частокол, к нему приставлены двойные жерди. В каждой стене две бойницы (?). Вход с трех сторон — (кроме южной). Крашенинников видел сей первый укрепленный Острог. Другие были — земляная юрта, балаганами окруженная».⁴ Так конспектирует Пушкин данные о жилищах коряков. Любопытна следующая его запись: «Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрг горящие головешки.

Гром, по их мнению, происходит от того, что Кут лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен.

Смотри грациозную их сказку о ветре и о зарях утренней и вечерней (ч. II—168)».⁵ Подчеркиваем, что эпитет «грациозный» принадлежит Пушкину, его нет у Крашенинникова. Так великий русский поэт оценил своеобразную прелесть северного фольклора.

Для лучшего понимания пушкинской оценки северного фольклора приводим сказку, о которой говорит Пушкин, в изложении Крашенинникова.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, 1938, стр. 343.

² Там же, стр. 348.

³ Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II, СПб., 1755, стр. 68.

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, 1938, стр. 345.

⁵ Там же, стр. 346.

«Когда их спросишь, от чего ветер рождается? отвечают за истину от Балакитга, которого Кутха в человеческом образе на облаках создал, и придал ему жену Завина — Кугагт именем. Сей Балакитг, по их мнению, имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры по произволению. Когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою столь долго и столь сильно, сколь великой ветр ему понравится, а когда он устанет, то утихнет и ветер, и хорошая погода последует. Жена сего камчатского Еоля в отсутствие мужа своего завсегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею. Когда муж ее домой приежжает, тогда она находится в радости; а когда ему заночевать случится, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась: и от того бывают пасмурные дни до самого Балакитгова возвращения. Сим образом изъясняют они утреннюю зорю и вечернюю, и погоду, которая с тем соединяется, философствуя по смешному своему разуму и любопытству, и ничего без изъяснения не оставляя».¹

Разительна коренная противоположность подхода Крашенинникова и Пушкина к этой сказке. Если для типичного рационалиста XVIII в. Крашенинникова эта сказка — пример того, как камчадалы, «философствуя по смешному своему разуму и любопытству», «ничего без изъяснения не оставляют», то для великого народного поэта она — образец народной поэзии коренных насельников Камчатки.

Иной характер носит второй раздел конспекта. Последовательно, страница за страницей, конспектирует Пушкин историческую часть труда Крашенинникова, группируя материал по небольшим параграфам.

Судя по этой части конспекта, наибольшее внимание Пушкина привлекли открытие и завоевание Камчатки и связанные с ними личности Федота Алексеева и Владимира Атласова, а также восстание ительменов в 1731 г.

«Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев: по его имени Никул-река называется Федотовщиною», — записывает Пушкин и далее подробно отмечает его путь, данные отписки С. Дежнева об Алексееве и соображения Крашенинникова о нем.²

Еще более подробно конспектирует Пушкин материал о походах Атласова и судьбе самого Атласова. В § 40 поэт рассказывает об убийстве Атласова, заканчивая рассказ следующей фразой: «Так погиб камчатский Ермак.»³ Это сравнение Атласова с Ермаком принадлежит самому Пушкину, у Крашенинникова его нет.

Интересна запись Пушкина и о гибели Анцыфорова, сожженного ительменами в балагане вместе со своими аманатами. «Узнав о его скором прибытии на Авачу, устроили они пространный балаган с тайными подъемными дверями. Они приняли его с честью, лаской и обещаниями: дали ему несколько аманатов из лучших своих людей и отвели ему балаган. На другую ночь они сожгли его. Перед зажжением балагана они приподняли двери и звали своих аманатов, дабы те скорее побросались вон. Несчастные отвечали, что они скованы и не могут тронуться, но приказывали своим товарищам жечь балаган и их не щадить, только бы сгорели казаки.

¹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. I, СПб, 1755, стр. 168, 169.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 350.

³ Там же, стр. 351.

Так погиб храбрый Анцыфоров, может быть, предупредя заслуженную казнь и оставя по себе громкую память и пословицу (см. IV—210): «На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь; а семь лет проживет, кому бог велит».¹

Большой материал в конспекте дан о восстании ительменов в 1731 г. Пушкин отметил в конспекте все этапы и детали восстания. Привлекала внимание Пушкина и личность вождя восстания 1731 г. Федора Харчина, причем одна яркая деталь в образе Харчина настолько поразила поэта, что он выделил ее даже в особый параграф: § 79. «За ним пустилась погоня: но он так резво бегал, что мог достигать оленей. Его не догнали».² Изложение событий, связанных с восстанием 1731 г., Пушкин заканчивает описанием работы следственной комиссии, назначенной правительством для расследования причин восстания. «Якутского полку майор Мерлин прибыл вскоре на Камчатку. Он и Павлуцкий жили там до 1739 г. Они построили Нижний Камчатский острог ниже устья Ратуги. Им поручено следствие. Иван Новгородов, Андрей Штинников и Сапожников повешены, также и человек шесть камчадалов. Прочие лазакки высечены, кто кнутом, кто плетьюми.

Камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить».³

Пушкинский конспект «Описания земли Камчатки» стоит в тесной связи с планом статьи Пушкина о Камчатке и сохранившимся кратким наброском начала самой статьи. В плане статьи стоит: «Сибирь уже была покорена. Приказчики услыхали о Камчатке.

Описание Камчатки. — Жители оной. — Федот Кочевщик. — Атласов, завоеватель Камчатки».

Таким образом, судя по плану, в статье Пушкин собирался осветить обе интересовавшие его темы, связанные с Севером: и тему о быте и культуре коренных насельников Севера и тему о русской колонизации Севера. И конспект Крашенинникова и план статьи о Камчатке датируются началом 1837 г. Смерть помешала Пушкину осуществить его замыслы. Сохранилось лишь краткое начало статьи, раскрывающее, однако, ясно понимание Пушкиным процесса русского продвижения на Север.

«Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племен, приводили (их) под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках».⁴

Строки пушкинского «Памятника» явились вещими. Пророчество Пушкина сбылось в наши дни.

Великая Октябрьская социалистическая революция возродила к новой жизни угнетенные в царской России народы Севера.

Под руководством партии Ленина-Сталина, при поддержке братского русского народа народы Севера проделали за 30 лет грандиозный

1 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 358.

2 Там же, стр. 365.

3 Там же, стр. 366.

4 Там же, стр. 367.

и невиданный дотоле в истории скачок от первобытно-общинных отношений к социалистическому обществу. В корне изменилась вся экономика народов Севера. Расцвела культура народов Севера, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Создана письменность у народов, ранее не имевших ее. Вышли в переводах на национальные языки биографии Ленина, Сталина, Конституции СССР и РСФСР, произведения Пушкина, Горького. Выросла своя национальная интеллигенция. Народы Севера приобщились к достижениям русской культуры и культуры других народов Советского Союза.

Пушкин стал в наши дни у народов Севера любимейшим писателем и источником вдохновения и творчества поэтов молодой литературы народов Севера.

Произведения Пушкина переведены на языки всех народов Севера, на ненецкий — «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о попе и о работнике его Балде»; на хантыйский — «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Станционный смотритель»; на мансийский — «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Станционный смотритель»; на эвенкийский — «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Станционный смотритель», «Дубровский», «Памятник»; на эвенский — «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке»; на нанайский — «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Дубровский», «Станционный смотритель»; на корякский — «Станционный смотритель», «Метель».¹

Произведения Пушкина в переводах на языки народов Севера включены в книги для чтения для учащихся северных школ.

В северных школах читают произведения Пушкина и на русском языке. Привожу описание чтения Пушкина в одной из северных школ. Оно чрезвычайно рельефно передает любовь к Пушкину северных школьников. «На одну из первых же громких читок, устроенных в эвенкийской школе, учитель принес книжку А. С. Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде». Гениальная простота, подлинная народность пушкинской сказки делают ее понятной и близкой самым неискушенным слушателям. В этом еще раз убедился учитель. Он читал наизусть, часто поглядывая на лица детей — все ли доходит? В жарко натопленном классе на передних партах неподвижно застыли десять маленьких эвенков. На столе тускло горела керосиновая лампа.

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
На встречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.

Учитель читал и слегка волновался за Пушкина. Перед ним сидели эвенки, т. е. по старому названию, тунгусы — те тунгусы, о которых поэт ровно сто лет назад писал в своем завещании «Памятник»:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой.
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и фин, и ныне дикой
Тунгуз...

Чтение сказки было первым знакомством его учеников с Пушкиным. И выбор учителя оказался как нельзя более удачным для первого

¹ О переводах Пушкина на северные языки см. статью М. Воскобойникова «Пушкин на языках народов Севера» — Звезда 1949 г. № 6.

знакомства. Маленькие эвенки ничего не переспрашивали, ничем не затруднялись. Простодушный народный юмор, плакатно очерченные образы, выразительный в его предельной скупости язык — все дошло до их понимания. Дети дружно хохотали, когда в конце сказки

Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелчка
Прыгнул поп до потолка...¹

В северных школах устраивают специальные литературные чтения, посвященные Пушкину.

В качестве образца приведем программу одного литературного утренника, проведенного преподавателем русского языка и литературы в 1936 г. в неполной средней школе при Чукотской культбазе залива Лаврентия.

ПРОГРАММА

1. Краткий доклад на тему: «А. С. Пушкин, его жизнь и творчество» на родном языке (юйтском).
Докладчик Ктуге (юит).
2. Краткий доклад на ту же тему на родном языке (луораветланском).
Докладчик Теюнкеу (луораветлан).
3. Песню «Узник» исполнит хор VI класса.
4. Декламация стихов:
 - а) стих. «Зимняя дорога» исп. уч. Акукин (юит).
 - б) стих. «Зимний вечер» исп. уч. Ари (юит).
 - в) стих. «Цыганы» исп. уч. Тарупхина (луораветланка).
 - г) стих. «Цыганы» исп. уч. Тарупхина (луораветланка).
 - д) стих. «Сказка о попе и о работнике его Балде» исп. уч. Талако (юит).
 - е) стих. «Золото и булат» исп. ученики Теюнкеу (луораветлан) и Насалик (юит).
 - ж) стих. «Узник» исп. уч. Ктуге (юит).

Ответственный за утренник преподаватель *Красинская*.²

Дети народов Севера, будучи на школьной скамье, мечтают стать техниками и инженерами, врачами и учителями, летчиками и танкистами. А некоторые из них мечтают стать поэтами. Вот что написал один из учащихся VI класса Койминской неполной средней ульчской школы в 1936 г. в сочинении на тему „Кем я хочу быть“: „Под влиянием книг, прочитанных мною, я все больше и больше думаю о том, не могу ли я стать таким писателем, как А. С. Пушкин. Кто может сказать, что это не случится“.³

Образ Пушкина занимает видное место в молодой национальной литературе народов Севера. Пушкину посвящены стихи и песни поэтов эвенков — Чинкова, Платонова, эвена Тарабукина, удэгэ Джанси Киманко, наная Акима Самара.⁴

Привожу стихотворение А. Платонова «Пушкину» в переводе ленинградского поэта Глеба Семенова:

¹ А. Г. Базанов, Н. Г. Казанский. Школа на Крайнем Севере, Л., 1939, стр. 185—186.

² Там же, стр. 186.

³ Там же, стр. 193.

⁴ Алексей Платонов. Аякул стихилин, давлауриин (Избранные стихотворения и песни), ЛО 1940; Алексей Платонов. Эвенки давлауриин (Песни эвенка), Л., 1938; Николай Тарабукин. Мэнгэн асаткан дэгэдекэн. Эведыл икэл. (Полет золотой девушки. Эвенские стихи), Л., 1937; Аким Самар. Стихсэл (стихи), Л., 1940 и др. сборники.

Нерукотворный «Памятник»
 Мне ясно говорит,
 Что ты, великий Пушкин,
 Слышишь наши песни.
 Ты, Пушкин, погляди
 На «дикого тунгуса» —
 Ведь это я — звенк,
 Навек теперь свободный.
 Я землякам в колхозе
 Стихи твои читаю.
 Слова твои звенящие
 Над Севером летят.
 И счастьем прорастает
 Таежная земля,
 Твое, твое пророчество
 Сбылось, великий Пушкин.

Стихи Пушкина стали близкими и родными народам Севера.

На Малмыжском утесе стою,
 Весеннюю песнь пою.
 Книгу в руках держу,
 Стихи Пушкина читаю,¹

пишет Аким Самар в стихотворении «Весенний Амур».

Пушкин равно близок — и молодым и старым,

Жадно читали песни его.
 Девушкам понравились,
 Сердца их забились.
 Волосы приглаживали и шептали:
 «Пушкин, Пушкин».
 Старые старики думали,
 Лбы свои подпирая,
 Бороды свои разглаживая,
 «Великий человек» говорили.
 Великому Пушкину
 Великое имя дали,
 Великим писателем назвали,
 Как солнце, Пушкин стал, —

пишет звенк Тарабукин.²

Так в наши дни творчество Пушкина и самый его образ служат не-
 иссякаемым источником поэзии для молодой национальной литературы
 народов Севера.

¹ Аким Самар. Стихсэл, Л., 1940, стр. 104 (перевод А. Путинцевой).

² Николай Тарабукин. Мэнгэн асаткан дэгэдэкэн, Л., 1937, стр. 42—45.
 (В сборнике перевода на русский язык нет; перевод для данной статьи сделан кандидатом филологических наук К. А. Новиковой, которой и приношу глубокую благодарность.)

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9